

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

НОВЫЕ КАТЕГОРИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРАКТИК: ПАМЯТИ ТОМАСА ХЮЛЛАННА ЭРИКСЕНА (1962–2024)

В.А. Тишков

Валерий Александрович Тишков | <http://orcid.org/0000-0001-5479-9039> | valerytishkov@mail.ru | академик РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии РАН | Российская академия наук (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия) | профессор | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская площадь 6, Москва, 125047, Россия)

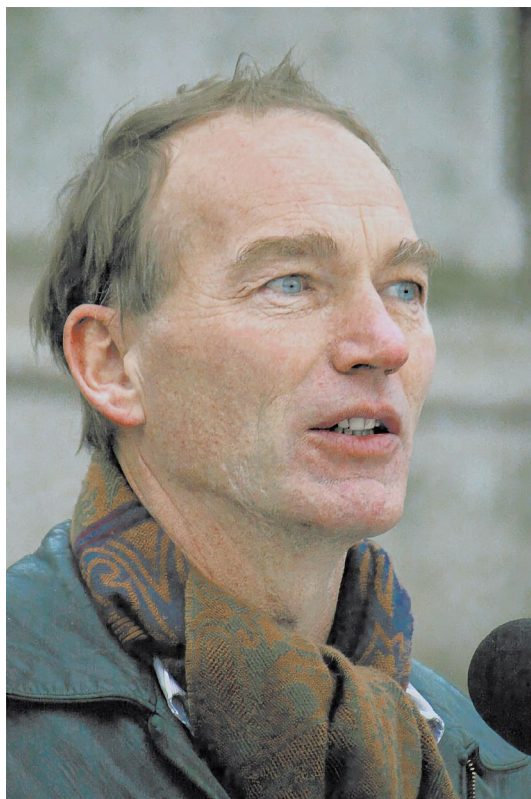
Одну из своих последних статей выдающийся норвежский антрополог Томас Хюлланн Эриксен написал, когда уже был серьезно болен и перенес тяжелую операцию, которая, к сожалению, не смогла предотвратить его смерть от рака. Эта статья, тем не менее, дает хороший повод для размышлений о тех трансформациях, которые произошли и происходят в современном мире, оказывая воздействие и на этничность, и, более широко, на культурные практики людей и создаваемых ими социальных коалиций. Статью эту Эриксен написал для юбилейного сборника к моему 80-летию (Эриксен 2021). Какие же из его размышлений представляются мне столь важными? Сделав в начале лестные замечания в мой адрес, Эриксен пишет: «Далее я буду исходить из описания Тишковым многообразия как “цивилизационной черты”, открывающей возможность анализа того, что я называю диалектикой глобализации: колебания качелей между открытостью и закрытостью, смешением и чистотой, космополитизмом и уходом в узкогрупповые идентичности» (Там же: 85).

В последнее время, как отмечает Эриксен, политические деятели в своей риторике перешли с проблемы социальных классов на проблемы идентичности в качестве основополагающего принципа; в результате, спустя 30 лет после окончания холодной войны, разного рода политика идентичности стала популярной повсеместно, чему помогали и помогают новые информационные технологии и социальные средства массовой информации. Эта политика, по его мнению, также подпитывается распространением чувства отчужденности и “перегретой” современностью. Последний термин ученый позаимствовал от экономистов, которые часто используют понятие “перегрев экономики”, но распространил его в целом на феномен современности, подразумевая в данном случае под перегревом (*overheating*) ускоренные перемены, которые обрушиваются на человека

Статья поступила 15.03.2025 | Окончательный вариант принят к публикации 20.03.2025
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Тишков В.А. Новые категории глобальных практик: памяти Томаса Хюлланна Эриксона (1962–2024) // *Этнографическое обозрение*. 2025. № 2. С. 254–264. <https://doi.org/10.31857/S0869541525020147> EDN: TJMWTN

Tishkov, V.A. 2025. Novye kategorii global'nykh praktik: pamiati Tomasa Khiullanna Eriksena (1962–2024) [New Categories of Global Practices: In Memory of Thomas Hylland Eriksen (1962–2024)]. *Etnotraficheskoe obozrenie* 2: 254–264. <https://doi.org/10.31857/S0869541525020147> EDN: TJMWTN

Томас Хюлланн Эриксен (фото публикуется на условиях: GAD — Wikimedia Commons — CC BY-SA 3.0)

и общество и с которыми не так просто справиться (см.: *Eriksen* 2016). “Перегрев” затрагивает жизнь сообществ в самых разных регионах и странах, стирает культурные и даже государственные границы, разрушает традиции и принятый образ жизни и, конечно, вызывает самые разные ответные реакции.

Нельзя не согласиться с тем, что начало новой эры глобализации связано во многом с окончанием холодной войны, разрушением геополитической системы двух военно-политических блоков, торжеством глобальных связей и рынков торговли, распространением интернета. Замена физического письма электронным, стационарных телефонов сотовыми и некоторые другие технологические новации повлияли на жизнь сотен миллионов людей как в богатых, так и в бедных странах. В этой ситуации, указывает Эриксен, политики “идентичности (националистические, этнические, религиозные, территориальные) вышли на передний край международной повестки, будучи инициированными и проводимыми как сверху (требование гомогенности населения государств и вовлеченность последних в этнические чистки), так и снизу (требования меньшинствами соблюдения своих прав или отделения)” (*Эриксен* 2021: 86).

Все эти глубокие перемены, впрочем, еще не означали, что мир изменился коренным образом, но ясно одно, что глобализация привела к “сжатию мира”, к росту осведомленности о мире в целом, поставила вопросы (не)справедливости

сохраняющегося наследия колониальных эпох и неравенства стран и регионов. Даже судьба национальных государств и классической рыночной экономики оказалась в центре дискуссий о перспективах мирового развития, а сам термин “развитие” был подвергнут критическому анализу, особенно в его западной формуле “устойчивого развития”. Что здесь существенно и интересно для антропологического анализа?

Одно из проявлений новой эпохи глобализации — это *взаимосвязанность* всего в человеческом социуме в области коммуникаций. “Именно через спутниковое телевидение, Интернет и мобильную телефонию, миграцию и туризм, торговлю и интенсивное движение символов, образов и значений мы осознаем друг друга как современники”, — пишет Эриксен (Там же: 87). Степень глобальной взаимозависимости может потрясать воображение: от местных арктических семейных “стойбищ” и пастушеских калмыцких “точек” в степи до воинских подразделений на передовой линии специальной военной операции на Украине везде оперирование техники и культурно-новостной поток зависят от вполне определенных технологических систем со своими настройками и контролем. Удивительно, но глобальные системы типа “Скайлинк” являются собственностью одного человека, который может “поставить на паузу” критически важное обслуживание воюющих армий разведывательной информацией и целенаправлением и включить этот “тумблер” после принятия тех или иных условий на переговорах о мирном урегулировании. Степень зависимости миллиарда граждан Китая от цифровизации и искусственного интеллекта в области повседневного жизнеобеспечения может потрясти воображение несведущего человека. И таких примеров, которыми сейчас активно начали заниматься антропологи, можно привести очень много. Однако примечательно то, что далеко не везде и далеко не все получают доступ к технологическим новациям и далеко не все принимают глобализирующие перемены. Многие и многое сопротивляется, сохраняет и даже укрепляет традиции партикулярности. Например, в радиоэфире и телетрансляциях приоритетными в интересах населения часто остаются местные станции и программы. Что касается национального (государственного) уровня, то здесь добровольно или недобровольно, но приоритет собственных информационных потоков явно оттесняет международные каналы и программы. “Глобализация затронула общественную сферу и оказала давление на представления о национальной культуре, но не уничтожила их”, — пишет Эриксен (Там же: 88).

Еще один феномен глобализации — это, по словам Эриксена, проблема “смешения и чистоты” человеческих сообществ. О чем речь? Действительно, глобализация ведет к так называемой *культурной гибридности*. Полвека тому назад, во время моих первых поездок в США, я встретился с оживленно обсуждавшейся тогда проблемой легитимизации категории так наз. американцев-через-дефис (*hyphenated Americans* — испано-американцев и пр.). После этого США и другие страны, принимающие массовую иммиграцию, обрели совсем иной облик — не только демографический и визуально-антропологический, но и культурный. Причем настолько иной, что города-мегаполисы по своему этническому и религиозному составу и культурным формам — от кулинарии до музыкальных и литературных традиций — стали походить на мини-копии вселенной. За этим (или же вместе с этим) последовало этнорасовое смешение в семейно-брачных союзах, развитие многоязычия, формирование

смешанных личностных идентичностей. Фамилии и внешний облик не только студентов, но и профессоров западных университетов, а также политиков (от членов парламентов и конгресса до глав правительств и министров) обрели совсем новые звучания и новые стили поведения, не говоря уже об историко-культурном “бэкграунде” новых элит и о восприятии этой ситуации рядовыми гражданами стран.

Важно отметить, что культурная динамика глобализации, до сих пор нередко воспринимаемая как “вестернизация”, обрела многовекторный и действительно сложный характер. В науке появились понятия *культурной сложности* и *культурно сложных обществ* (см.: Тишков, Филиппова 2016). Для описания современного культурного смешения Эриксен предлагает набор категорий и понятий, который несколько отличается от концепций традиционного мультикультурализма. Ниже перечислены некоторые из этих категорий (см.: Эриксен 2021: 89).

- *Культурный плюрализм* как “близкий родственник мультикультурализма”, но в сфере потребления плюрализм будет означать, что “разные группы систематически потребляют разные виды товаров и продуктов из-за культурных различий”.
- *Гибридность* — “этот термин относится к индивидам или культурным формам, которые рефлексивно или сознательно смешиваются, т.е. синтезируют культурные формы или фрагменты разного происхождения”. Гибридность отличается от плюрализма или мультикультурализма — в случае последних, как считает Эриксен, границы между группами не затрагиваются, в то время как гибридное потребление влечет за собой “творческое смешивание продуктов и услуг разного происхождения”.
- *Транснационализм* — он имеет отношение по большей части “к социальной сущности человека”, и он приковывает индивидов или группы “не к одному конкретному месту, а к нескольким или ни к одному из них”.
- *Диффузия* — последняя относится к потоку понятий и смыслов, возникающему в пространстве между обществами, “независимо от того, сопровождается ли она реальными социальными контактами или нет”.
- *Креолизация* — это культурный феномен, который возникает как результат социального столкновения и взаимного влияния между двумя или несколькими группами и обуславливает “постоянный динамический обмен символами и практиками, что в конечном итоге приводит к возникновению новых форм с разной степенью стабильности”.

В своем списке Эриксен предлагает еще пару категорий (*синкретизм* и *диаспорность*, или *диаспорная идентичность*), которые имеют отношение к антропологическому анализу глобализации, но все же отводит особое место категории *гибридность* как наиболее всеохватной в части смешанных культурных форм. К такого рода культурным формам можно относить репертуар мировой музыки (то, что слышится “из каждого репродуктора”), городские молодежные культуры (повсеместно и одинаковым образом исписанные аэрозольными спреями заборы и стены), ресторанные кухни (типа фьюжн или “кросс-культурной” кухни), патентованные телешоу и т.д. Но вот в чем проблема: «Гибридным культурным формам часто противопоставляют поиски чистоты и “аутентичности”, которые могут быть, но не обязательно, политизированы в ситуациях растущего этнического разнообразия, обусловленного иммиграциями» (Эриксен 2021: 90). Отсюда почти неизбежное следствие — это “усиление поляризации и нарастание конфликтного

потенциала вокруг групповых идентичностей” (Там же). Хотя в массе своей население не придерживается “мифологемы культурной чистоты” (если не принимать во внимание некоторые страны с жесткой установкой на монокультуру или моно-религию), тем не менее почти везде, в том числе и в России, присутствуют неонационалистические взгляды, и есть движения, которые могут довольно агрессивно выступать за сохранение сложившегося в прошлом историко-культурного уклада и против непредсказуемых перемен, грозящих наступить в образе жизни в результате утраты этнической и религиозной “чистоты” населения как страны в целом, так и отдельной локальности (республики, региона, города и даже сельского поселения). Как пишет Эриксен, неонационализм «в Европе, мишенью которого являются иммигранты и особенно мусульмане в качестве нежелательных “иных”, сопровождается ответной политикой идентичности мусульман, пытающихся заново провести жесткую границу между “нами” и “ими”, “очищая” ислам и позиционируя западный мир как “иной”» (Там же).

Это отчасти схоже и с российской ситуацией, за исключением более спокойного отношения россиян к населению страны, исторически проживающему в исламской традиции, а также более слабой выраженности так наз. “ответной политики идентичности мусульман”, ибо иммигранты-мусульмане больше стараются интегрироваться в жизнь “старых мусульман”, а не выстраивать отдельные сообщества на основе “чистого ислама”. Общий вывод из дихотомии “чистоты и смешения” может быть следующим: современная культурно обусловленная идеологическая поляризация имеет место между двумя формами политик идентичности, а именно этническим национализмом и исламом, но в их основе лежит одна и та же логика приостановки глобальной гибридации посредством ухода во что-то старое, укоренившееся, знакомое и четко очерченное. “Таким образом, было бы правильнее говорить, — пишет Эриксен, — о поляризации между, с одной стороны, различными формами антагонистического нэйтивизма (национализм, исламизм т.д.), и, с другой — торжеством — или, по крайней мере, признанием — гибридности, смешения и отсутствия чистых форм и т.н. загрязненности” (Там же).

Да, действительно, неонационализм и исламизм во многом в своей внутренней логике представляют собой две ипостаси одного и того же явления: они не принимают глобализацию в ее культурной сложности, они против гибридации. Но не есть ли это также и реакция, обусловленная чрезмерной озабоченностью будущим, которое далеко не всегда можно предугадать, а тем более — четко спланировать. Исследование антропологии будущего, проведенное коллективом с моим участием, показывает высокую степень неопределенности и исключительную роль стохастических (непредвиденных) последствий человеческой деятельности, включая воздействия личностных решений лидеров мировой политики, владельцев бизнес-империй или “местных вождей” (см.: *Тишков* 2024). Поэтому можно ли сказать, в какой мере надежен прогноз насчет “Мечети Парижской Богоматери” или в какой степени осуществимы надежды на нахождение другого, менее драматического, варианта приспособления старой Европы к новым более чем серьезным вызовам? Приведу пример несбывшегося прогноза-ожидания, который можно было встретить в одном из лозунгов русского национализма пару десятилетий тому назад. Речь идет о так наз. русском кресте — вымирании русского этноса и превращении русских в меньшинство в результате иммиграции из стран бывшего СССР, а также Китая и Вьетнама.

Сегодня больше россиян мигрируют в Китай, чем приезжает китайцев в Россию, а вьетнамцы фактически перестали приезжать на заработки. Азербайджан и Армения исчерпали свои эмиграционные ресурсы. Что касается среднеазиатской иммиграции, то она резко ограничена властными решениями. А если говорить о доле этнических русских в составе населения, то она остается примерно на одном и том же уровне весь постсоветский период. “Незапланированной”, но очень существенной прибавкой к русскому населению стало присоединение к России Крыма и Донбасса. Тогда в этом случае был ли оправдан (или обоснован) этот “приступ” национализма, зазвучавший от имени большинства населения в отношении “желтой опасности” и “вымирания русских”, и не имел ли этот феномен моральной паники свои косвенные, но реальные воздействия на ситуацию? Это, как говорится, вопрос открытый, и он остается таковым применительно к сегодняшней вовлеченности политической элиты и масс-медиа, а вместе с ними и части общества, в мероприятия по ограничению иммиграции из стран Средней Азии. По крайней мере, экспертное сообщество (не только экономисты, но и антропологи и социологи) не приходит к выводу о полезности антимиграционной политики даже с точки зрения ее отдаленных последствий. Здесь присутствует явный разрыв между экспертным знанием и политическим расчетом в симбиозе с бытовыми настроениями (фобиями). Возможно, это как-то с трудом осознаётся, но Россия изначально была страной смешанного населения и гибридных культур, что и позволяло ей осваивать огромную евразийскую территорию и оставаться сильной и цельной.

Наконец, еще об одном сюжете, затронутом Эриксоном, — а именно, к вопросу о том, что такое *гомогенизация* и *гетерогенизация* и к чему в конечном итоге ведет глобализация — к стиранию различий в культуре и образе жизни или, наоборот, к разобщению мира. Становимся ли мы более похожими друг на друга или же, наоборот, все более разными в результате роста транснациональной мобильности и коммуникаций? На эти вопросы нет однозначного ответа. Да, вроде бы, как указывает и Эриксен, люди в мире становятся все более похожими: достаточно понаблюдать за участниками больших международных спортивных соревнований, молодежных фестивалей, крупных мировых научных, деловых и прочих конгрессов и форумов. Сетевые аудитории интернет-блогеров, разных “селебрити”, “коучеров”, а иногда даже детей и подростков исчисляются десятками миллионов подписчиков по всему миру. Фактически они говорят на одном языке с точки зрения используемых понятий, вкладываемых смыслов и даже коммуникационных символов — смайликов, эмодзи и т.д.

Google-переводчик и другие системы языковых переводов и распознавания личности, вещей и объектов разрушают не только языковые барьеры и границы личностных миров, но и государственно-политические границы. Все это так: культурная гомогенизация действительно имеет место, и антропологи должны ею заниматься, по-новому определяя цеховую основу нашей дисциплины, а именно того, что есть сегодня “поле” и кто есть сегодня “информант”. Но у гомогенизации есть свои уровни и потоки наряду с потоками культурной сложности, о которых я писал ранее. Мне представляется, что в сфере “сглаживания” культурных различий (термин Эриксона) особенно преуспевают национальные государства, создающие соответствующие условия и зачастую целенаправленно формирующие из этнического и расового многообразия солидарные согражданства со “сглаживанием” некогда непроницаемых границ (“железных клеток”,

о которых писал американский антрополог Рональд Такаки [Takaki 1979]). Но при этом, как отмечает Эриксен, “локальные адаптации универсальных или почти универсальных явлений свидетельствуют о том, что глобальная современность всегда имеет локальные выражения. Предполагаемые сходства могут либо скрывать реальные различия в содержании смыслов, либо быть поверхностными, не имеющими глубокого отношения к экзистенциальному состоянию людей” (Эриксен 2021: 91).

Есть еще одно важное антропологическое наблюдение на предмет постсовременности (я пользуюсь этим термином применительно к проживаемому и ожидаемому времени), к которому нас отсылает Эриксен. Речь идет о двух всепроникающих тенденциях в диалектике современной глобализации, о которых говорил американский социолог Джордж Ритцер, известный трудами по глобализации (“макдональдизации”) обществ и культур, особенно в сфере потребления (см., напр.: Ритцер 2002). Он как бы вскрыл некие концептуальные метаструктуры, пронизывающие социальную жизнь. Это *гробализация ничего* (пустого места) и *глокализация чего-то* (“grobalization of nothing” и “glocalization of something”). Под *гробализацией* имеются в виду империалистические по сути желания и действия государств, корпораций и организаций, нацеленные на утверждение своего влияния ради более прибыльного роста (от слова “growth” произведен и сам термин), в то время как *глокализация* (соединение глобальности и локальности) означает формы местной реакции на процесс глобализации и типы адаптации к нему. Результатом первого является производство — как правило, массовое и сосредоточенное в бедных странах, но предназначенное для потребителей в богатых странах, — этого *ничего* (ведь оно лишено отличительного содержания!). Результат второго — это *что-то*, что задумано и творится на местном уровне и отличается богатым содержанием (Ritzer 2004: 3–8). Это, на мой взгляд, несколько упрощенная (почти эпатажная) схема, и далеко не всё в нее укладывается, в том числе и приобретенный мною в Осло традиционный норвежский свитер, который лично мне представлялся вполне аутентичным товаром, хотя, как оказалось, был произведен в Китае. Однако с Эриксеном можно согласиться в том, что “стандартизированные товары массового производства, удовлетворяющие предполагаемому общему знаменателю отвлеченных рыночных вкусов, являются результатом гробализации, в то время как все, что не могло быть произведено нигде, кроме определенного места, определяется как глокализация” (Эриксен 2021: 91).

И все же связь и динамика между локальным и глобальным, между “аутентичным” и “макдональдизированным” достаточно причудлива и подлежит расшифровке с помощью этнографического анализа. Если 30 лет тому назад производимые для внешнего мира свитера и кроссовки Adidas сотни миллионов китайцев приобрести не могли, то сегодня это повседневная одежда миллиарда жителей страны. В данном случае *ничто* стало *нечто*, в том числе и благодаря местной вариативности, которую вкладывают местные жители в транснациональные стандартизированные товары и услуги.

Надо сказать, что проблема соотношения локального и глобального, особенно в вопросах потребления, но не только в них, а и в вопросах ценностей и символов, является весьма актуальной и широко обсуждаемой на самых разных уровнях (не в одних лишь научных текстах). Однозначных сторонников глобального и стандартизированного не так много (скажем, исключая детей,

которые обожают “Макдоналдс”), а сторонников аутентичного, подлинного гораздо больше. Но все же большинство желает, чтобы присутствовало и то и другое, хотя и нет общего согласия по поводу оптимальной пропорции первого и второго. Что-то аналогичное данной дилемме просматривается и в политике идентичности, причем сюда входит и фундаментальная для России дилемма традиционности (исконно русского) и внешнего (западного) влияния. По этому вопросу одно можно сказать, соглашаясь с Эриксоном: “отнюдь не очевидно, что локальное должно иметь приоритет над глобальным. Универсализм иногда может быть хорошим, как в случае с правами человека” (Там же: 93).

Локальные и универсалистские идеи и практики могут вступать в очень жесткие конфликты и охватывать целые страны и регионы мира. Так, например, произошло в свое время с публикацией Салманом Рушди книги “Сатанинские стихи” с критикой Пророка, когда принцип свободы слова столкнулся с неприятием отношения к Пророку со стороны радикального исламского сообщества. Случай с террористом Брейвиком в Норвегии, убившим семь десятков человек в 2011 г., показал, что в этой стране, как и во многих других странах, где присутствует воинствующий партикуляризм (неонационализм или радикальный исламизм), общество разделено, и часть его выступает против “загрязненности” в форме миграции или мультикультурализма, против культурного смешения. Феномен *поляризованных идентичностей* имеет место и в России. От его крайних проявлений в форме конфликта центра и этнической периферии, как и в форме раскола элит по программным принципам, в XX в. дважды распалось само государство. Это факт, от которого никуда не уйти и который требует своего объяснения, а конфликт — разрешения.

В итоге можно еще раз согласиться с Эриксоном, “что последствия глобализации для публичных сфер во всем мире заключаются не в растворении или даже фрагментации общественных сфер, а в поляризации по новым направлениям. В то время как в более ранние периоды предметом споров и разногласий была роль церкви или противоречия между трудом и капиталом, основной шаблон идеологической поляризации теперь касается отношений между глобальным и локальным” (Там же: 94). Эта поляризация может обретать курьезные формы, когда защитники универсалистских ценностей ссылаются на местные культурные традиции, а поборники древних традиций используют интернет и смартфоны, чтобы донести свое послание до мировой аудитории. Но в любом случае политическое действие в современных коллизиях уже утратило социальную направленность в пользу вопросов идентичности. Кстати, к этой же проблеме относятся и категории *суверенитета* и *суверенизации*, используемые в наши дни в межгосударственных отношениях и присутствующие в культурно-ценностных смыслах.

Можно резюмировать, что Эриксен сформулировал некоторые важные и новаторские соображения о соотношении глобализации и политики идентичности. Прежде всего, он предложил смотреть на глобализацию шире, чем просто на стирание пространственных границ и культурных различий или на гомогенизацию (сближение) образов и стандартов жизни, культурных практик и духовных ценностей. Да, казалось бы, ценности и мечты людей повсюду более или менее одинаковы, как одинаковы и потребляемые ими информационные и рекламные продукты из всемирных “паутин” и “сетей”, через которые осуществляется глобальная и прочая индоктринация. Казалось бы, многие “отставшие от современности” страны и целые регионы совершили разительный прорыв

в последние десятилетия, а некогда богатые демиурги мировой экономики и политики заметно сникли. Тем не менее не все так просто и так универсально под тенью глобальных воздействий.

Как отмечает Эриксен, миллионы, если не сотни миллионов людей, никогда не получают доступа к богатству. На них не обращают внимания, их вытесняют из привычной им среды, их маргинализируют, причем, по существу, все это происходит примерно так же, как происходило и в более ранние периоды истории, “когда охотники-собиратели сталкивались с вооруженными, хорошо организованными земледельцами”. Плачевные условия рабочих и обездоленных крестьян, безработица, жертвы войны и экономической эксплуатации — это продукты глобализации. Но и такие явления, как организованные массовые протесты во имя обретения некой автономии и освобождения от глобального капитализма, — это тоже продукты глобализации, причем, по замечанию Эриксена, такие же продукты, “как смартфон и интернет, международные НПО, доступный отдых в тропиках и растущие транснациональные сообщества футбольных фанатов” (Там же: 96). Результаты глобализации сегодня непредсказуемы. «“Глобальная деревня” — это не место, лишённое напряженности и разнообразия, это, если хотите, сеть сетей, где люди вступают в более тесный контакт друг с другом, что ведет к конфронтации и трениям, обогащению и новым возможностям, в мир (не)ограниченного потребления» (Там же).

В условиях глобальности новые ракурсы обретает политика и практика идентичности, прежде всего формирование и утверждение самосознания на личностном и коллективном уровнях. Руководители стран и партий, корпораций

Томас Хюлланн Эриксен. Фото предоставлено Сесилией Басберг Нойман и Нильсом Петтером Гледичем (© Cecilie Basberg Neumann; acknowledging the kind assistance of Nils Petter Gleditsch)

и общественных объединений и разные пассионарии-одиночки стараются соответствовать некоторым глобальным образцам в смысле формулировки или принятия групповых идей и образов, стиля лидерства, использования определенных происхожденческих нарративов или “образа врага”. Но все это, как правило, привязывается к локальному контексту, перерабатывается по запросу местных “верхов” и “низов”. “Политики конструирования этнической и религиозной идентичности очень похожи повсюду; с глобальной грамматикой и локальным содержанием они действительно глокальны и весьма спорны. Валерий Тишков, — пишет Эриксен, — активно занимаясь широким спектром вопросов, выходящих далеко за рамки академического круга, показал нам, каким образом огромное и многообразное российское государство и его ближайшие соседи являются неотъемлемой частью этого глобального дискурса” (Там же: 97).

Я благодарю своего покойного друга, выдающегося ученого-антрополога Томаса Хюлланна Эриксона, за глубокие мысли о современности и за это высказывание в мой адрес и постараюсь оправдывать его оценку в дальнейшем.

Научная литература

Ритцер Д. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.

Тишков В.А. (ред.) Россия: восприятие будущего. Опыт социально-антропологического исследования. М.: ИЭА РАН, 2024.

Тишков В.А., Филиппова Е.И. (ред.) Культурная сложность современных наций. М.: РОССПЭН, 2016.

Эриксен Т.Х. Глобализация и политики идентичности в XXI в. // Антропология и этнология: современный взгляд / отв. ред. А.В. Головнёв, Э.-Б.М. Гучинова. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 83–98.

Eriksen T.H. *Overheating: An Anthropology of Accelerated Change*. L.: Plato, 2016.

Ritzer G. *Globalization of Nothing*. L.: Sage, 2004.

Takaki R. *Iron Cages: Race and Culture in 19th Century America*. N.Y.: Knopf, 1979.

Review Article

Tishkov, V.A. New Categories of Global Practices: In Memory of Thomas Hylland Eriksen (1962–2024) [Novye kategorii global'nykh praktik: pamiati Tomasa Khiullanna Eriksena (1962–2024)]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2025, no. 2, pp. 254–264. <https://doi.org/10.31857/S0869541525020147> EDN: TJMWTH ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Valery Tishkov | <http://orcid.org/0000-0001-5479-9039> | valerytishkov@mail.ru | Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia) | Russian State University for the Humanities (Miusskaya sq. 6, Moscow, 125047, Russia)

References

Eriksen, T.H. 2016. *Overheating: An Anthropology of Accelerated Change*. London: Plato.

Eriksen, T.H. 2021. Globalizatsiia i politiki identichnosti v XXI v. [Globalization and Politics of Identity in the 21st Century]. In *Antropologiya i etnologiya: sovremennyy vzgliad* [Anthropology and Ethnology: A Contemporary View], edited by A.V. Golovnev and E.-B.M. Guchinova, 83–98. Moscow: Politicheskaya entsiklopedia.

- Ritzer, G. 2002. *Sovremennye sotsiologicheskie teorii* [Modern Sociological Theories]. St. Petersburg: Piter.
- Ritzer, G. 2004. *Globalization of Nothing*. London: Sage.
- Takaki, R. 1979. *Iron Cages: Race and Culture in 19th Century America*. New York: Knopf.
- Tishkov, V.A. (ed.) 2024. *Rossia: vospriiatie budushchego* [Russia: Perception of the Future]. Moscow: IEA RAN.
- Tishkov, V.A., and E.I. Filippova (eds.) 2016. *Kul'turnaia slozhnost' sovremennykh natsii* [Cultural Complexity of Modern Nations]. Moscow: ROSSPEN.